

Глава 14

От этого жалобного зова у кого угодно сердце бы дрогнуло.

Мо Шиянь позволил ему прислониться к своей груди и передал лекарство Чжун-и, чтобы та накормила мальчика.

Но Му Ань, положив таблетку в рот и сделав несколько глотков воды, так и не смог её проглотить. Он расплакался, хныча, что лекарство слишком горькое.

В обычное время ему можно было потакать в чём угодно, но высокая температура — не шутки, и без жаропонижающего она не спадёт.

Мокрое от слёз личико уткнулось в его грудь, глаза полуприкрыты, тело подрагивает от всхлипов. Му Ань попытался вытолкнуть таблетку языком.

Скрепя сердце, Мо Шиянь крепко сжал его щёки, не давая ему своевольничать, а затем, взяв стакан, резко влил ему в рот немного воды.

Му Ань не успел и опомниться, как горькая таблетка, подхваченная потоком воды, проскользнула в горло. Он поперхнулся, а осознав, что противное лекарство уже в животе, разрыдался ещё сильнее.

Стоявшие рядом Хань-шу и Чжун-и смотрели на него с нескрываемой жалостью, но Мо Шиянь, быстро управившись с лекарством, перевернул мальчика, уложил его себе на плечо и принялся тихонько похлопывать по спине, что-то ласково шепча на ухо.

— Ну-ну, всё, больше не нужно. Братик знает, что оно горькое, очень невкусное, да?

Му Ань всхлипнул и кивнул, роняя крупные слёзы на плечо брата.

Увидев это, Хань-шу и Чжун-и, отдав распоряжения остальным, тихо удалились.

Когда в комнате остались только они вдвоём, Мо Шиянь поднялся, придерживая мальчика одной рукой под бёдра, а другой плавно поглаживая по спине. Он медленно зашагал вдоль кровати, легонько покачивая его.

— Аньань, хороший мой, не плачь.

— Нужно выпить лекарство, чтобы поскорее поправиться.

— Помнишь, когда братик в прошлый раз заболел, он тоже пил лекарство и выздоровел?

Убаюканный тёплыми объятиями и мерным покачиванием, Му Ань постепенно успокоился. Он прикрыл глаза и несколько раз потёрся щекой о плечо Мо Шияня, смахивая оставшиеся на ресницах слезинки, и лишь потом тихонько хмыкнул в знак согласия.

Мо Шиянь поднёс его к столу и взял полотенце, чтобы вытереть ему лицо.

Сначала он осторожно промокнул влажные от пота волосы на лбу, затем нежно провёл по заплаканным глазам, покрасневшему кончику носа и покрасневшимся от слёз щекам.

Красивые янтарные глаза, не мигая, смотрели на брата с безграничной обидой.

Вытерев лицо, Му Ань снова уткнулся ему в плечо и, обхватив руками шею, молча затих, всё ещё переживая случившееся.

Мо Шиянь вернулся к кровати, но не стал его укладывать, а продолжал носить на руках, мягко похлопывая по спине.

— Впредь, когда на улице будет холодно, не стой на ветру. И не смей больше выбегать так легко одетым, — воспользовался моментом Мо Шиянь. — Если снова заболеешь, опять придётся пить лекарство.

Му Ань, которому было невероятно уютно в тёплых объятиях, задремал, но, разобрав сквозь сон последние слова, недовольно промычал:

— Не хочу... не буду... не буду пить лекарство...

Мо Шиянь погладил его по горячей спине — мальчик был словно мягкий, раскалённый комочек хлопка. Пришлось уступить:

— Тогда не болей.

— Будь всегда здоровым.

Словно в тёплой колыбели, Му Ань быстро уснул.

Мо Шиянь попытался переложить его на кровать, но стоило ему это сделать, как мальчик тут же начинал просыпаться.

Врач велел регулярно измерять температуру, поэтому Мо Шиянь, не выпуская его из рук, несколько раз прикладывал градусник. Поначалу лекарство не действовало, и жар не спадал, но ближе к утру горячий комочек в его объятиях стал заметно прохладнее, и температура наконец вернулась в норму.

Чжун-и несколько раз заходила в комнату, предлагая забрать Му Аня к себе, ведь Мо Шияню утром нужно было в школу, в то время как мальчик мог взять больничный.

Но Мо Шиянь отказался, опасаясь, что Му Ань, проснувшись, снова начнёт его искать. Да и сам он, волнуясь, всё равно не смог бы уснуть.

Жар спал только к четырём часам утра. Мо Шиянь ещё дважды измерил температуру, и оба раза она была в норме — опасность миновала.

Му Ань спал чутко, из-за плохого самочувствия постоянно просыпаясь. Мо Шиянь несколько раз поил его водой, давая лишь смочить пересохшие губы.

Когда его наконец уложили в постель, ресницы мальчика снова дрогнули, но, к счастью, он не проснулся. Что-то привиделось ему во сне, и он начал неразборчиво бормотать.

Мо Шиянь наклонился ниже.

— Сюаньсюань... в детстве был поросёнком...

— А я? Кем был я?.. Кем я был в детстве... братик...

Что за странный вопрос.

Но видя, что мальчик не унимается, Мо Шиянь легонько ущипнул его за гладкую щёчку:

— Котёнком.

Му Ань, словно услышав его сквозь дрёму, пробормотал:

— Котёнком... я котёнок...

Мо Шиянь улыбнулся. Больного котёнка.

Болезнь и брать больничный — дело житейское, но Му Ань умудрился заболеть как раз в дни перед итоговыми экзаменами.

Мо Шиянь не собирался отправлять его в школу — после болезни нужно было особенно беречься. Но Му Ань договорился со своими лучшими друзьями, что они вместе сдадут экзамены и сравнят результаты.

По правде говоря, Мо Сюаньчжу соревноваться с Му Анем и Цзян Синланем не было никакого смысла: он стабильно занимал одно из трёх последних мест.

Но мальчишки придавали обещаниям огромное значение, и Мо Шиянь не стал ему мешать.

Му Ань провёл дома два дня и вернулся в школу только в день экзамена. Чжун-и укутала его в несколько слоёв тёплой одежды, боясь, как бы он снова не простудился.

Он был похож на пухлый шарик. Мо Сюаньчжу и Цзян Синлань даже подумали, что он поправился, но Му Ань распахнул школьную форму, показывая, сколько всего на нём надето.

Экзаменационные вопросы для первого класса были несложными. Му Ань получил высший балл по обоим предметам, Цзян Синлань отстал ненамного, потеряв всего два балла по математике. Даже Мо Сюаньчжу добился прогресса, заняв пятое место с конца.

Но оценки не имели значения, ведь впереди были долгожданные зимние каникулы.

А каникулы — это время, когда можно делать всё что угодно. Му Ань, гордо вернувшись домой с двумя грамотами, был немедленно вознесён до небес.

Слева слышалось: «Молодой господин такой молодец, снова занял первое место!»

Справа вторили: «Молодой господин — настоящий гений, совсем как старший господин!»

Му Аню очень нравилась такая похвала. Он и сам начал думать, что, возможно, догоняет брата. Его брат был так хорош во всём, и ему нельзя было отставать, чтобы не опозорить его.

Мо Шиянь не стал говорить о своих успехах, лишь дважды внимательно рассмотрел грамоты Му Аня и разрешил повесить их в своей спальне, над письменным столом, на самом видном месте.

Во время каникул Му Ань либо занимался рисованием, либо ездил на конюшню к Сяо Баю. Мо Сюаньчжу снова гостил у них несколько дней, но не успел вдоволь наиграться, как Лань Юэ забрала его на всевозможные дополнительные занятия.

В этом отношении Мо Шиянь не давил на Му Аня. Мальчик был послушным и хорошо учился, не было нужды заставлять его посещать курсы по математике или программированию, учиться игре на фортепиано, гольфу или верховой езде.

Детство самого Мо Шияня было заполнено бесконечным расписанием, поэтому он хотел предоставить Му Аню максимальную свободу выбора, не загоняя его в заранее определённые рамки.

Мо Шиянь уже тогда понимал, что излишняя строгость — не лучший способ воспитания.

На каникулы пришёлся и Новый год. В доме остались только Мо Шиянь и Му Ань. Хань-шу и Чжун-и уехали к родственникам, так что с ними был лишь Чжао Чжоу, но Му Ань так и не смог привыкнуть к нему, как к остальным.

Причина была проста: Чжао Чжоу был высоким и грозным альфой с татуировкой в виде огромного, свирепого питона, обвинившего предплечье. И хотя он всегда обращался с Му Анем уважительно, мальчик всё равно его боялся.

В Новый год семья должна собираться за праздничным столом. Впервые они втроём сидели вместе. По телевизору громко шёл новогодний концерт, его звуки эхом разносились по пустому залу.

Му Ань сидел, уткнувшись в тарелку. Чжао Чжоу и Мо Шиянь сидели по обе стороны от него и подкладывали ему в миску блюда, до которых он не мог дотянуться.

Вот только когда еду ему клал Мо Шиянь, он молча съедал её, а когда Чжао Чжоу — тихо благодарил и лишь потом быстро отправлял в рот.

Чжао Чжоу отвечал «не за что», не видя в этом ничего необычного.

В середине ужина Мо Шиянь вышел, чтобы ответить на звонок. Му Ань с надеждой посмотрел ему вслед, но, повернувшись, обнаружил, что Чжао Чжоу уже наполнил его тарелку до краёв.

— С-спасибо...

Му Ань принялся усердно есть, хотя уже чувствовал себя сытым.

Видя, как быстро он ест, Чжао Чжоу продолжал подкладывать ему ещё и ещё.

Му Ань с тоской посмотрел на свою тарелку, затем украдкой взглянул на страшного питона на руке Чжао Чжоу и, вздрогнув, снова принялся жевать.

За столом царил тишина, нарушаемая лишь стуком палочек и звуками усердного пережёвывания.

Когда Мо Шиянь вернулся, Му Ань был уже не в силах съесть ни крошки. Увидев его, он тут же соскочил со стула и, подбежав, отчаянно вцепился ему в ногу, словно ища спасения.

— Братик!

Мо Шиянь погладил его по круглой макушке:

— Наелся?

Му Ань торопливо закивал:

— Наелся, наелся! Я так объелся, больше не могу.

Мо Шиянь взглянул на стол. Чжао Чжоу как раз почистил креветку и положил её на тарелку Му Аня.

При виде этого личико мальчика сморщилось, как урюк:

— Мой живот вот-вот лопнет! Ещё один кусочек — и он взорвётся! Я лучше пойду посмотрю телевизор.

Мо Шиянь усмехнулся:

— Совсем ничего больше не съешь?

— Ничего!

— А личи?

Круглые кошачьи глазки тут же засияли:

— Есть личи? Братик, ты купил личи?

— Угу.

Зная, что Му Ань их обожает, Чжао Чжоу попросил привезти свежие ягоды из-за границы и доставил их прямо на остров.

Му Ань с восторгом принялся их чистить. Он так давно не ел личи, что даже капельки сладкого сока, попавшие на губы, слизывал с огромным удовольствием, от счастья прикрывая глаза.

Мо Шиянь подошёл и тоже почистил одну ягоду. Не успел он поднести её ко рту мальчика, как тот уже широко его открыл.

Мо Шиянь нарочно замер и спросил:

— Разве твой живот не собирался взорваться?

Му Ань, раскрыв рот, так и застыл в ожидании, а потом, не выдержав, сам вцепился в его руку, пытаясь дотянуться до ягоды. Мо Шиянь слегка напряг руку, не давая ему сдвинуть её с места. Му Ань отчаянно захныкал, тряся его за запястье.

— Не взорвётся, не взорвётся! Несколько ягодок не займут много места! Братик, дай мне, пожалуйста, дай!

Мо Шиянь то напрягал руку, то расслаблял её, и голова мальчика следовала за ней, точь-в-точь как у котёнка, неотрывно следящего за дразнящей его рыбкой.

После недолгой борьбы у Му Аня даже заболела челюсть. Он отпустил руку и надулся:

— Хмф, не буду я есть!

Сказав это, он обиженно отвернулся. Братик — такой вредный!

Но не успел он как следует обидеться, как рядом появилась рука.

За спиной раздался голос:

— Открой рот.

Му Ань послушно открыл рот, и сочная, полупрозрачная ягода тут же оказалась внутри.

Сладкий вкус мгновенно прогнал всю обиду. Му Ань снова заулыбался, счастливо качая головой.

Он забирал свои слова обратно. Его братик — самый лучший!

После ужина они втроём смотрели телевизор. Сытый и довольный Му Ань обещал дожждаться полуночи, но не выдержал и заснул, положив голову на колени Мо Шияня.

Мо Шиянь накрыл его пледом и вдруг негромко обратился к сидевшему рядом мужчине:

— В следующий раз прикрывай руку.

Чжао Чжоу непонимающе посмотрел на него.

— И за столом рядом с ним не садись, — добавил Мо Шиянь.

Чжао Чжоу был в полном замешательстве.

— Не пугай его, — спокойно закончил Мо Шиянь.

Чжао Чжоу потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/13682/1212298>